

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ НАМЕРЕНИЙ ПРОТИВНИКОВ, АДЕПТОВ И РАЗРАБОТЧИКОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Клементьева Алёна Александровна

аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
aklementyeva@mail.ru

LANGUAGE IMPLEMENTATION OF COMMUNICATIVE INTENTIONS BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE OPPONENTS, ADHERENTS AND DEVELOPERS

A. Klementyeva

Summary: The article focuses on the subjective positions of active participants in the public dialogue on artificial intelligence represented in their language. Artificial intelligence opponents create a frightening image of digitalization by contrasting subject spheres. The use of verbs of certain classes helps adherents of artificial intelligence to build its anthropomorphic image and express transhumanistic ideas. Developers, in their turn, as they share scientific worldviews, consider artificial intelligence as a tool.

Keywords: communicative grammar, communicative goal, subject, Russian language, artificial intelligence.

Аннотация: В фокусе внимания настоящей статьи находится языковая репрезентация субъектных позиций активных участников общественного диалога об искусственном интеллекте. Противники искусственного интеллекта путем противопоставления субъектных сфер создают отпугивающий образ цифровизации. Использование глаголов определенных классов помогает адептам искусственного разума выстраивать его антропоморфный образ и выражать трансгуманистические идеи. Разработчики, транслируя научную картину мира, отводят искусственному интеллекту позицию инструмента.

Ключевые слова: коммуникативная грамматика, коммуникативная цель, субъект, русский язык, искусственный интеллект.

Введение

В центре внимания коммуникативной грамматики находится фигура говорящего лица. Являясь ключом «к строю человеческой мысли», «стремясь извлечь максимум лингвистической информации из фактов человеческой речи», грамматическая наука позволяет решать актуальные гуманитарные задачи [15, с. 108, 112], в том числе выявлять позицию, точку зрения говорящего, с которой он смотрит на мир и осмысляет его.

Любая коммуникация носит стратегический характер, т.е. осуществляется в соответствии с планами и целями говорящего. В соответствии с имеющимися целями он отбирает и структурирует «символы» (языковые знаки), иногда сам не осознавая этого [32, с. 288-299]. Наличие коммуникативной цели является «одним из важнейших параметров прагматической интерпретации высказывания» [19, с. 102]. Интерпретируя сказанное и написанное, мы эксплицируем смыслы, руководствуясь самой «языковой системой и правилами ее функционирования» [29, с. 20].

Об этой важной задаче лингвистики пишет академик В.В. Виноградов: «Лингвист не может освободить себя от решения вопроса о способах использования преобразующей личностью того языкового сокровища, которым она могла располагать. И тогда его задача — в подбо-

ре слов и их организации в синтаксические ряды найти связывающую их внутренней психологической объединенностью систему и сквозь нее прозреть пути эстетического оформления языкового материала» [4, с. 3]. Анализируя текст как продукт деятельности «преобразующей личности», использующей арсенал разноуровневых языковых средств (лексических, морфологических, синтаксических) и организующей их по своему усмотрению, мы можем выявить замысел автора, позиция которого проявляется в самом «отборе речевых ресурсов» [18, с. 20].

Характеризуя языковые единицы в единстве их формы, значения и функции, коммуникативная грамматика отвечает на вопросы: *что выражено?* (о содержании), *как, чем выражено?* (о средствах выражения), *зачем, для чего?* (о функциональном назначении) [18, с. 45]. Ответ на вопрос о выполняемой функции помогает приблизиться к выявлению стратегии автора (говорящего), «в которую входят понятия замысла, позиции, мировосприятия, отношения автора к предмету и поставленной им проблеме, его прагматических интересов» и которая «стоит как бы за текстом, или над текстом» [18, с. 446].

Поскольку актуальные направления современной лингвистики формируются исходя из того, какие общественные проблемы требуют решения на данный момент, её важной задачей становится «лингвистический анализ текстов, отражающих актуальные тенденции раз-

вития общества» [29, с. 19]. Одной из таких тенденций является разработка искусственного интеллекта (далее — ИИ) и дальнейшее его внедрение почти во все сферы общественной жизни — образование, здравоохранение, экономику, сельское хозяйство и пр.

Цель статьи состоит в том, чтобы определить коммуникативные намерения активных участников общественного диалога по вопросам внедрения ИИ в жизнь общества, выявить и описать языковые способы реализации этих намерений. На материале опубликованных выступлений и интервью противников, апологетов и разработчиков ИИ мы определим, какой образ ИИ они создают и транслируют (*что выражено?*), какие языковые средства служат формированию того или иного образа (*как выражено?*), какой замысел преследуют авторы обозначенных текстов (*для чего выражено?*).

1. Противники искусственного интеллекта о его применении

Группа людей, у которых перспектива применения ИИ вызывает опасения, достаточно неоднородна. С одной стороны, среди них есть радикально настроенные противники ИИ, призывающие остановить развитие технологий, видящие в них угрозу для существования человечества в целом. Их позиция, по мнению эксперта в области ИИ И.С. Ашманова, сформировалась во многом под влиянием отталкивающего образа будущего из голливудских фильмов [9]. Однако есть и те, кто обеспокоен вопросами безопасности, юридической ответственности за результаты использования роботизированных систем. Как правило, это ученые, предприниматели, сами разработчики ИИ. Они призывают соблюдать меры предосторожности, пытаются найти решение указанных проблем в правовом поле. Так, в 2021 году в России руководители некоторых ведущих университетов и технологических компаний подписали Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, который «устанавливает общие этические принципы и стандарты поведения, которыми следует руководствоваться участникам отношений в сфере искусственного интеллекта в своей деятельности» [21, с. 1].

В рамках статьи у нас есть возможность подробно рассмотреть, какой образ ИИ и его технологиям создаётся одним из его противников. Объектами нашего анализа будут стенограммы выступлений Анны Швабауэр [6, 31], занимающейся научно-экспертной и законодательной деятельностью в области семейного права. В течение последних лет А. Швабауэр выступает против цифровой трансформации, реализуемой в России посредством внедрения технологий ИИ. На примере нескольких отрывков попробуем определить, с помощью каких языковых средств она осуществляет свои коммуникативные цели.

(1) В России **оцифровка активно пошла** с 2016-17 года. У нас во всех сферах **приняты законы о внедрении** **единых централизованных баз данных**, в частности, в сфере **соцобслуживания внедряется Единая государственная информационная система** социального обслуживания, здравоохранения – **Единая государственная информационная система** в сфере здравоохранения, **пытались** такую же систему **сделать** в образовании «Контингент учащихся», но **протесты родителей не позволили принять** этот закон, было **наложено вето президента**. Тем не менее, эта **система продвигается** на уровне региональных баз и через цифровую образовательную среду. Этот эксперимент у нас тоже **пытаются ввести**, несмотря на массовые протесты родителей.

Обратим внимание на организацию субъектного плана в примере (1). Предложения, в которых говорится о действиях по внедрению государством систем ИИ, можно поделить на несколько типов: а) неопределенно-личные (*попытались сделать, попытаются ввести*); б) пассивно-результативные, где предикат выражен кратким страдательным причастием, предидицируемый компонент — предметным именем, а субъект действия не назван (*законы приняты, вето президента наложено*); в) объектно-пассивные с неназванным агенсом и фазисно-каузативным оттенком (*система внедряется, система продвигается, оцифровка пошла*). Субъект находится на своем месте только в предложении с полипредикативной конструкцией, вторичным номинализированным коррелятом [16, с. 143] (*протесты родителей не позволили принять закон* = родители протестовали), которое сообщает о целенаправленных действиях родителей, не согласных с нововведениями. Такая субъектная структура позволяет автору подниматься на уровень обобщения, представлять государство, внедряющее новые технологии, чем-то обезличенным и аморфным, а человека, напротив, (пока ещё) обладающим волей.

(2) К сожалению, мы видим, что **цифровизация идёт в таком добровольно-принудительном порядке**. И даже если прямо на нас **не говорится** о том, что **вы обязаны**, фактически **создаются такие условия**, когда, как называется, **сложно отказать**. Вот, например, с этой цифровой средой сейчас родители **заталкивают** буквально с детьми на эти цифровые платформы для образования: МЭШ, РЭШ, Сферум, Сбер, разные. Если **родители пытаются сопротивляться**, **говорят** о том, что **мы не хотим**, чтобы наш **ребёнок учился** на такой платформе и **сливал** туда свои данные, а всегда регистрация связана с тем, что **ты передаёшь персональные данные** соответствующих платформ. Ему уже **говорят** так: в таком случае, **вы не обеспечиваете выполнение домашнего задания ребёнка и нарушаете его права**, а тут уже **включаются ювенальные технологии**.

Ещё ярче эта оппозиция прослеживается в отрывке .

(2). Неопределенно-личное значение, имеют только те предложения, в которых сообщается о принуждении к использованию новых технологий (*нам не говорится; создаются условия; родителей заталкивают на цифровые платформы; ему говорят*). Говорящий исключает себя из возможных субъектов действия, вводя идею эксклюзивности [15, с. 110]. Неопределенно-личные предложения становятся носителями «оценочного значения большой силы и композиционной функции, противопоставляющей разные субъектные сферы» [18, с. 462]. В то же время при предикатах, обозначающих ответные действия родителей и детей, субъект выражен формой И.п. (*родители пытаются сопротивляться, говорят; ребенок учился, сливал данные; ты передаешь; вы не обеспечиваете выполнение задания и нарушаете права*). На месте подлежащего мы также видим существительные *цифровизация* и (*ювенальные*) *технологии*. Не называя тех, кто проводит цифровизацию и применяет ювенальные технологии, автор подчеркивает, что последние находятся не в руках людей, а существуют уже сами по себе, оторванные от тех, кто их хотел реализовать. Наконец, конструкция с предикатом на -о и инфинитивом (*сложно отказать*), с помощью которой «говорящий, вольно или невольно, снимает ответственность за дело с себя, с исполнителя» [18, с. 162], служит передаче следящего смысла: в новом мире создаются такие условия, где человек не имеет право выбирать.

Последнее подтверждают и примеры (3) — (4), где позицию подлежащего занимают неодушевленные существительные (*цифровая платформа, сервис*), а объектом их активного действия является человек, полностью зависимый от их решений.

(3) В данном случае **цифровая платформа будет принимать решение** [о том], что тебе что-то надо или что-то не надо.

(4) Проактивный сервис — это **сервис, лишаящий тебя свободы воли, который навязывает тебе определенную траекторию жизни**.

В отрывке (5), который аналогичен первому и второму по способу организации субъектного плана, примечательно то, что автор сначала утверждает существование человека *для системы* (посредством введения субъектно-авторизирующей синтаксемы *для+Р.п.* система становится авторизатором — лицом, «с точки зрения или в интересах которого предиктируемый предмет получает предикативную окраску» [17, с. 43]), используя экзистенциальный предикат (*ты существуешь*), затем «спохватывается» и отрицает это существование (*даже не ты существуешь*), а затем снова утверждает существование, но уже не человека, а его цифрового двойника ([существует] *только твой цифровой двойник*). Употребление выделительно-ограничительной частицы *только*, помога-

ет разделять человека как бы на две составляющие: «ты» и «твой цифровой двойник».

Проводя аналогию между способами осуществления цифровизации и фашистскими методиками, говорящий устанавливает ассоциативную связь «для эффективного манипулирования умозаключениями реципиента» [19, с. 50]. Такой коммуникативный ход «позволяет перенести негативную оценку из одной когнитивной области в другую» [19, с. 169].

(5) *То есть всё в одну базу сливается и выход, соответственно, там на детей, родителей, там такое генеалогическое древо они получают. Также в этом регистре присваивается каждому номер, фактически идет такая нумерация, поэтому у нас однозначно идут ассоциации с фашистскими методиками. Что человеку присваивают номер-идентификатор, и ты существуешь для этой системы исключительно под каким-то номером, и даже не ты существуешь, а только твой цифровой двойник. Вот что их волнует.*

(6) *То есть, речь идёт о том, что кому-то нужен цифровой профиль, наш цифровой двойник, в котором будет фиксироваться даже видео и аудио практически каждого шага нашей жизни. И теперь мы точно понимаем, что такое «непрерывная образование». Да это сбор данных в течение жизни! И не просто сбор данных, а управление.*

(7) *А дальше уже управление идёт без нашей воли фактически, такая «прихватизация» наших данных.*

(8) *И, к сожалению, вот эти все методички, которые мы видим, на самом деле, показывают, что угроза нашей жизни очень серьёзная, она уже сейчас воплощается, потому что в поправках к Закону о Госуслугах внесена ещё одна важная поправка: Внедрение проактивного подхода. Что это такое?*

Отрывки (5) — (8) иллюстрируют частое употребление личного местоимения первого лица множественного числа и соотносимое с ним притяжательное местоимение (*у нас идут ассоциации, наш цифровой двойник, без нашей воли, угроза нашей жизни* и т.д.). Таким образом автор обращается к регулярной и универсальной оппозиции «свой» — «чужой». Говорящий впускает адресатов в свою сферу, предлагая им разделить его мнение. На концептах «свой» — «чужой» базируется «когнитивная категория базового уровня», а обращение к ней оценивается как «инструмент речевого воздействия» [19, с. 43]. Это «позволяет установить отношения между говорящим, реципиентом и третьими лицами» [19, с. 202]. Адресант убеждает адресатов в том, что перспектива цифрового мира, которую пытаются навязать «они», окажется для всех губительной.

Среди иных средств, которые используются для формирования негативного образа цифровизации, отметим также оценочные предикаты (**проталкивают** цифровизацию, **заталкивают** на цифровые платформы, **загнал** в виртуальный мир), паронимическую аттракцию («**прихватизация**» наших данных), существительные с отрицательно-оценочной семантикой, обозначающие трансгуманистические идеи (просто **дегенерация** для детей, **расчеловечивание** наших детей).

В отрывках (2), (8) присутствует реактивная модусная рамка, к сожалению. Всего в тексте она встречается шесть раз. К слову, антонимичные ей модусные компоненты (например, к счастью) в тексте замечены нами не были. Это может говорить а) о высокой степени включенности говорящего в сообщение; б) о его резко негативной оценке того, о чем сообщается.

Исходя из анализа, можно заключить следующее: ряд отмеченных нами языковых особенностей работает на создание отпугивающего образа цифровизации. Затемнение субъекта действия в предложениях с неопределенно-личной семантикой, введение оппозиции «свой» — «чужой» позволяют в соответствии с замыслом говорящего передать «угрожающее ощущение чужого, чуждого мира, враждебного» [18, с. 471]. В этом новом технологическом мире найдется место только цифровому двойнику, но не самому человеку.

2. Образ искусственного интеллекта, формируемый его адептами

Адептами (или евангелистами) искусственного интеллекта, как правило, являются те, кто заинтересован в его скорейшем внедрении в жизнь общества. Среди них — маркетологи и предприниматели, продвигающие свои технологические продукты, чиновники, видящие в ИИ решение для трансформации различных отраслей, журналисты, воодушевленно и некритично пересказывающие слова ученых и разработчиков ИИ, подчиняющие научные данные «сиюминутным политическим или идеологическим целям» [8, с. 37].

На примере выступлений и интервью предпринимателя в сфере информационных технологий Ольги Усковой, возглавляющей компанию-разработчик систем автономного управления наземным транспортом, мы проанализируем, какое место в мире отводится ею человеку и ИИ [7, 12, 13, 23].

(9) *Мы приняли решение о том, что теперь начинаем делать **мозги для транспорта**. Причем **мозги в самом человеческом представлении**. Практически **как человеческий мозг**. Это некое устройство, которое **превращает объект в субъект** — **думающий, принимающий решения**. У вас была железяка, **мы ставим наши***

мозги, и у вас возникает думающее и соображающее существо.

(10) *Мы производим **искусственные мозги** для локомотивов. Был объект, предмет, бездушное существо. Мы приставили тот мозг, который мы сделали. Он начал **соображать**, он начал **чувствовать**, он начал **понимать** то, что происходит перед ним.*

В своих выступлениях О. Ускова часто говорит о том, что разработки её компании позволяют превращать объект в субъект, «железяку» в «соображающее существо». Это отражается в построении субъектно-объектных отношений в отрывках (9) — (10). Если сначала **мозги** (т.е. искусственных интеллект) являлись объектом действий людей (*мы начинаем делать мозги для транспорта, мы ставим наши мозги, мы производим искусственные мозги*), то затем эти же мозги заняли место субъекта, приобрели самостоятельность и способность мыслить путем введения предикатов, обозначающих ментальные действия (*думающий, принимающий решения, соображающий, начал понимать*), и глагола восприятия (*начал чувствовать*).

(11) — *А какой **тип мышления у ИИ Cognitive Pilot** сейчас? — **Мужской**. Если говорить конкретно про комбайнера-агробота **Cognitive Agro Pilot**, то мужской. **Он выполняет** очень мужскую **работу, управляет** сельхозтехникой.*

Отвечая на вопрос журналиста (11), Ускова даже наделяет ИИ мужским типом мышления. Механизм фактически приобретает биологический пол.

(12) ***Искусственный интеллект работает безопасно** вне зависимости от времени суток и настроения. Он **не бывает сонным, голодным, раздраженным, депрессивным или пьяным**.*

Приобретая некоторые антропоморфные черты, ИИ в чем-то продолжает сохранять свою механическую природу. Так, автор в отрывке (12) автор употребляет глагол *работать*, который при использовании с одушевленными именами передает значение деятельности, занятия, но, «сочетаясь с именами предметных субъектов, утрачивает значение действия, поскольку неживые предметы действовать не могут», и превращается в глагол функционального значения, сообщающий об «исправном/неисправном функционировании предметов-артефактов, механических устройств» (ср. *Телевизор работает, Нож режет*) [18, с. 61-62]. Синкретизм акционального и функционального значений, возникший в данном глаголе, оказался удобным средством для языковых манипуляций среди адептов ИИ. Кроме того, автор отказывает ИИ в способности испытывать физические (*быть сонным, голодным, пьяным*) и душевные состояния (*быть раздраженным, депрессивным*), которые бы могли помешать его

работе. Конечно, в этом отрывке явно прослеживается импликатура — в отличие от человека

Двойственная природа ИИ (машинная и человеческая), часто подчеркиваемая говорящим, заложена в самом термине *искусственный интеллект*, который, «если воспринимать его не в константном, профессионально выверенном значении, а в значении виртуальном, футуристически-оптимистически отождествляющем человека и машину (человеческий ум и машинный «интеллект»), оказывается органичной частью языкового обеспечения трансгуманистического дискурса». В рамках этого дискурса О. Ускова активно использует и другие похожие сочетания: *искусственные мозги, искусственная интуиция, искусственное чутье*.

(13) *Отличие человека от робота — генерация самостоятельного смысла. Все остальное при развитии техники **робот может делать лучше, чем человек**. Меня часто спрашивают ваши коллеги: а как же журналистика? Если журналист занят только перепечатыванием пресс-релизов, то на фиг он нужен? **Робот сделает лучше, точнее, без багов, не будет брать взятки. Чистый информационный новостной поток он сделает лучше человека**.*

(14) *В 2018 году Cognitive презентовал в США технологию Low-Level Data Fusion, которая совмещала четыре интересных технологии **с целью преодолеть планку человека-эксперта**.*

(15) *Чиновника **искусственный интеллект** уже сейчас **спокойно заменит**.... Я могу сказать, что **искусственный интеллект готов для такой замены**, но общество пока не готово, это чисто моральный вопрос.*

(16) *Надо переводить зоны повышенной опасности на роботизированное управление. Я бы **ядерную кнопку** ни одному человеку в мире сегодня не **доверила, а роботу** — да. Ни одно государство в мире сегодня не способно к логическим поступкам. Нужны **блокаторы эмоциональной раскочки**. Люди с этим не справляются.*

Употребляя компаративные конструкции в примере (13), говорящий отмечает преимущества робота над человеком. Для усиления эффекта высказывания используется лексический повтор (*лучше*). ИИ, по словам автора, способен *преодолеть планку человека* (14), выйти за его границы. В отрывке (15) ИИ уже вовсе готов *спокойно заменить* чиновника — человека, который принимает участие в управлении государством. А в примере (16) роботу предлагается доверить ядерную кнопку (к которой обычно имеет доступ высшее военное и политическое руководство страны), поскольку он, в отличие от лидеров всех государств, не способен испытывать какие-либо эмоции. Использование глагола *доверить* (считая человека способным сделать трудное для него

и ответственное дело, поручить или разрешить его сделать [1, с. 169]) говорит о том, что с роботом человеку следует взаимодействовать как с себе подобным.

(17) *Человеческий мир кончился. Мы уже с вами живем в робото-человеческом мире. Та **коробочка**, которая у вас в кармане, — это фактически **ваше продолжение**. Это **коробочка, набитая искусственным интеллектом**, которая **подсказывает** вам рекламу, расписание, дорогу, цитаты и так далее и потеря которой приводит вас в панику, в паническое состояние...*

(18) *Третья история — медицина. Человек хочет жить вечно, и все, что связано с нейронками, с точностью операций, с точностью диагностирования, с нейрочипами... **Человек дополненный**. Это уже происходит. Вы сейчас сидите с телефоном и держите в руках **фактически ваше интеллектуальное расширение**, какая разница — вшитое под кожу или нет. У вас в руках уже **расширенный мозг**, вы боитесь потерять его. Скоро просто этот **функциональный блок физиологически дополнит ваш организм**.*

(19) *Если человек хочет быть полиглотом, и знать максимальное количество языков для того, чтобы широко изучать культуру разных народностей, **он себе навтыкает чипов**, конечно. Потому что сидеть и учить язык — это дело мучительное, мало благодарное.*

(20) *Кто готов вживить себе чип, чтобы знать еще четыре языка без обучения? (...) А кто считает вживление чего-либо в свой организм неприемлемым? (...) Хочу огорчить вторую группу: здесь нет принципиальной разницы. Вживляете ли вы гаджет под кожу или таскаете с собой, **вы уже дополненный человек, трансгуманоид**.*

Каким же О. Ускова видит самого человека? В примерах (17) — (20) он представляется далеко не совершенным: ему мучительно сидеть и учить иностранные языки, он мечтает жить вечно. Его мир кончился, он оказался в новой реальности — робото-человеческом мире. Чтобы человек занял свое место в этом мире, его нужно «дополнить» и «продолжить»: расширить мозг, внедрить чип. Очевидно, автор является носителем и выразителем трансгуманистических идей, «идеологии расчеловечивания человека» [5, с. 754]. Очень точно о рисках, связанных с этой идеологией, пишет С.С. Хоружий: «Действительная опасность — отнюдь не прогресс науки, а явно обозначившаяся, упорная игра Человека на понижение (самого себя)» [30, с. 30].

(21) ***Человечество само себя прокормит при таком росте популяции уже не может. Без роботов не справиться. Освоение новых земель без роботов невозможно**.*

(22) *По данным ООН, 870 млн человек на планете голодают. **Единственный выход**, который на самом деле*

существует у человечества для того, чтобы не пухнуть от голода в разных регионах, как это сейчас происходит, — это научиться роботизированно **обслуживать поля, осваивать земли при помощи роботов** — агроботов.

Эту «игру на понижение» мы наблюдаем и в отрывках (21) — (22). Инфинитивное предложение (*Без роботов не справиться*) и другие показатели онтологической невозможности (*человечество не может себя прокормить, без роботов невозможно*), которая «вытекает из объективного устройства мира» [25], помогают говорящему передать свою уверенность а) в человеческом бессилии, б) во всеилии роботов. Напомним, что О. Ускова — владелица компании, производящей наземный транспорт, в том числе комбайны, поэтому в её интересах апеллировать к грядущей гибели человечества от голода (а не от глобального потепления или ядерного взрыва, к примеру) и предложить именно такой *единственный выход* из складывающейся ситуации.

(23) **Вместо людей в производство заходят роботизированные системы с ИИ. Но трясти нас с вами будет не по-детски в этот переходный период еще лет 20–30. Ключ в личном позиционировании в этой новой реальности. Самое главное решение — это желание выжить. Не сложить лапки и залечь на диван, а мотивированно заявить свою роль в новом мире и бороться за нее.**

Однако, когда роботы начнут выполнять работу вместо человека, он сам будет вынужден искать себе место в новой реальности (23), *выживать*, как говорит О. Ускова. Отметим, что автор использует глагол *бороться*, обозначающий социальное intersubъектное действие. Но с кем человек будет бороться — не сообщается. С людьми или уже с машинами?

Итак, анализ показал, что О. Ускова при помощи различных языковых средств (употребления глаголов отдельных классов, построения субъектно-объектных отношений и др.) создает и транслирует определенную картину мира — с понижением ранга человека и повышением ранга ИИ. Её коммуникативная цель состоит в «коррекции модели мира адресата» [19, с. 109], распространении и утверждении трансгуманистических идей, создании образа «всесильного божества нашего Глобального человека», как писал о компьютере философ А.А. Зиновьев [4, с. 11].

3. Позиция разработчика ИИ: машина как инструмент

На примере текстов интервью И.С. Ашманова, кандидата технических наук, специалиста в области разработки ИИ и программного обеспечения, определим, каким

видят ИИ сами его разработчики [9, 10, 24].

(24) **ИИ — это такой набор алгоритмов, программных правил, методов оптимизации, машинного обучения и так далее, который позволяет машине имитировать некоторые когнитивные (то есть умственные) функции человека. Именно имитировать.**

(25) *Тем, кто этим ИИ занимается, известно более скучное определение ИИ: это такой пучок методов оптимизации, которые должны имитировать человеческие функции. Вот и всё. Причём, естественно, имитация человеческих функций происходит совершенно не так, как человек их выполняет.*

(26) **ИИ – это россыпь задач по имитации самых разных функций человека. Задачи создания компьютера, осознающего себя – среди них нет, по крайней мере у разработчиков, а не шарлатанов.**

В первую очередь обратим внимание на определения (24) — (26), которые И.С. Ашманов даёт ИИ в различных интервью. ИИ — это алгоритмы, задачи, программные правила, методы оптимизации. Автор использует техническую терминологию, говоря об ИИ исключительно как о технологическом продукте. Он подчеркивает, что машина способна лишь имитировать (воспроизводить что-либо с возможной точностью [2]) некоторые функции человека, а не повторять его в точности.

(27) **Никакого мышления там внутри, конечно, нет. Это просто некие сложные алгоритмы, у которых непредсказуемый результат может получаться просто в силу их высокой сложности.**

(28) **Никакого сознания там не зарождается, а уж тем более воли. Там могут быть непонятные эффекты и сбои, как и с любыми сложными техническими устройствами.**

(29) **Мы говорим, таким образом, об имитации человеческих функций (возможно, совершенно какими-то другими, нечеловеческими методами), а не о том, что в машине заведётся разум.**

(30) **Это разработчики ИИ, которые смотрят на него очень практически, скучно, прагматично, они делают системы искусственного интеллекта, понимают, что у данного продукта есть определенный уровень качества, условно говоря, полнота и точность того, что он делает, порог использования.**

Ашманов отмечает, что перед разработчиками не стоит задача создать осознающий себя компьютер. В примерах (26) — (29) он отрицает наличие у машины мышления, сознания, воли, разума — высших психиче-

ских процессов и функций, имеющих социальную природу [26, с. 72], а значит отличающих человека от других живых существ. Вспомним носителя прямо противоположной точки зрения О. Ускову, которая утверждала, что у ИИ есть мозг, интуиция, чутье, и заявляла о его всемогуществе. Ашманов же в отрывке (30) сообщает об уровне качества, пороге использования ИИ, замечая, что его нельзя использовать для решения любых задач.

(31) *Мозг — это не компьютер. Там ничего общего с компьютером нет. Нет постоянной и оперативной памяти, нет процессора, мозг не «обрабатывает информацию». Компьютер не похож на мозг, и наоборот — как нет ничего общего у автомобиля с лошастью.*

Также И.С. Ашманов отрицает возможность применения к описанию человеческого мозга компьютерной метафоры (31), к которой в связи с развитием информационных технологий в последние десятилетия все чаще обращаются многие ученые и которая «переинтерпретирует наши представления о сложноустроенной человеческой природе, создает почву для ее концептуального переосмысления» [20, с. 64]. Профессор Стивен Роуз, называя эту метафору «порочной», отмечает, что она «выхолащивает реальное биологическое содержание из психологии» [27, с. 110].

Определим, каким образом позиция говорящего влияет на отбор языковых средств и способы построения предложений в продуцируемых им текстах.

(32) *Про искусственный интеллект постоянно говорят, что он может лишить работы миллионы людей, что создаст социальные проблемы. Это не так, это «замыливание» реальной социальной и общественной проблемы. Ведь **искусственный интеллект сам никого не увольняет, не крадет рабочие места. Социальные проблемы не создаются техническими устройствами. Они порождаются теми кадровиками и управленцами, которые увольняют людей ради дешевой экономики по приказу акционеров.***

В отрывке (32) автор заявляет о том, что ИИ не совершает действия, направленные на упразднение рабочих мест, что вся ответственность за социальные проблемы лежит на людях — *кадровиках, управленцах* (именно они занимают позицию агенса). А представление ИИ в качестве субъекта каких-либо действий является удобным средством для тех, кто желает переложить ответственность за свои неверные решения на машину.

(33) *Этих и так уже социально достаточно ущемленных и подавленных людей, в основном мексиканцев, **поставили под контроль ИИ. Там установили камеры, которые научили распознавать перекуры, перерывы в работе, хождение, не связанное с выполнением прямых***

*служебных обязанностей, и так далее. Сейчас **людей непрерывно гоняют электронным хлыстом, штрафуют, наказывают, увольняют** за мельчайшие нарушения, **делают из них роботов**, короче говоря.*

В примере (33) сообщается о том, как владельцы магазина с помощью технологий ИИ усилили контроль за сотрудниками. Отметим, что ИИ здесь занимает позиции инструмента (*гоняют электронным хлыстом*) и компонента, обозначающего «вступление в положение социальной зависимости лица» (*поставили под контроль ИИ*) [17, с. 219]. Однако эту социальную зависимость порождает не сам ИИ, а люди, которые применяют его для своих целей. При восьми предикатах отсутствует субъект, хотя они явно обозначают действия людей (*гоняют, штрафуют, увольняют* и др.). Говорящий отказывается как-либо называть тех, кто желает сделать из других людей роботов.

(34) *В такой конфигурации **ИИ** не облегчает труд людей, а **становится электронным надсмотрщиком, который не знает жалости, не ведает усталости, не отворачивается, с которым нельзя договориться, упрямый или разжалобить.** Начинается какая-то чудовищная антиутопия в реальности. При этом никакого собственного интеллекта в искусственном интеллекте нет. Просто одни **люди используют электронный хлыст**, чтобы хлестать других людей с целью выжать больше денег.*

Говоря об ИИ как об *электронном надсмотрщике* в отрывке (34), автор лишает его антропоморфных черт. ИИ не может испытывать эмоциональное (*не знает жалости*) и физиологическое состояние (*не ведает усталости*). Человеку нельзя с ним договориться (глагол социального intersubъектного действия), то есть быть в позиции «на равных». Использование каузативных глаголов (*нельзя упрямый, разжалобить*) говорит о том, что человек никаким образом не может воздействовать на ИИ. По представлениям говорящего, ИИ — это механизм, который хорошо выполняет заложенные в него функции. В последнем предложении ИИ снова занимает позицию инструмента, с помощью которого одни люди подчиняют других.

(35) *Надо понимать, что, хотя **решает вроде бы алгоритм, политику, этику, принципы в него всё равно закладывают люди, которые могут ошибаться или быть злонамеренными. Однако на основе этих ошибок машина начинает управлять людьми, и её решения не подлежат оспариванию, они конечные.***

В примере (35) говорящий при субъекте *алгоритм* использует глагол ментального действия *решает*, «закрывающая» его модальной частицей *вроде бы*, выражающей сомнение, неуверенность [28, с. 724]. Почему автор делает

такой выбор, мы понимаем далее. Все решения, которые якобы принимает ИИ, основаны на принципах, заложенных в него людьми (алгоритм здесь является объектом их действий). Однако далее машина и люди меняются местами: человек становится объектом ее действий. Но управляет она людьми только на основе их же ошибок, обращаясь к их опыту, не к своему собственному.

(36) *Люди накладывают на ИИ свою этику. Например, вы обучаете ИИ для найма персонала. Даете ему данные о том, каких людей нанимали в вашу большую корпорацию раньше <...> И вот нейронная сеть усваивает сложившуюся практику и записывает в свои вероятностные коэффициенты, что, допустим, темнокожих, женщин, больных, пожилых нанимать невыгодно, — вот и всё, дискриминация. Это если вы делегировали ИИ финальное право решать.*

То же самое мы наблюдаем в отрывке (36). Люди обучают машину, накладывают на нее свою этику, которая включает в себя не моральные и нравственные принципы, а данные, вероятностные коэффициенты. Автор использует техническую терминологию, проводя четкую границу между человеком и машиной. Человек делегирует (передает свои права или обязанности [1, с. 79]) право решать машине. Он все еще остается целенаправленно действующим субъектом. Он подчиняет себе ИИ в соответствии со своими целями и интересами, а не наоборот.

Таким образом, И.С. Ашманов, имея непосредственное отношение к разработке ИИ, транслирует научную картину мира. ИИ в его текстах лишен антропоморфизма, самостоятельности. Часто отводя ИИ в предложении позицию инструмента или объекта действия, автор подчеркивает его машинную природу. Рядом с ИИ в текстах И.С. Ашманова всегда присутствует его создатель — человек. Именно он закладывает в машину программы, управляет ею, а значит несет ответственность за результаты применения технологий.

4. Анализ дискуссии противника и адепта искусственного интеллекта

Анализ прямой дискуссии между публицистом Виктором Мараховским и исследователем ИИ Романом Душкиным [11], состоявшейся в радиоэфире, дает возможность через селекцию и комбинацию языковых средств говорящими выявить их принципиальные расхождения в отношении к одним и тем же явлениям.

(37) Роман Душкин: *Сегодня мы находимся в турбулентности новой технологической революции. Это не хайп, не такая шумиха, которая поднялась с выходом новых генеративных моделей искусственного интеллекта, это действительно революция, которая подо-*

рвет и уже начинает подрывать все устоявшиеся социальные отношения и не только социальные, вообще любые отношения, которые в обществе устоялись в течении текущего технологического уклада. И, собственно, мы, люди, должны быть готовы к этому, поскольку являемся высоко адаптивными биологическими системами и должны быстро переделывать сами себя, переделывать свое общество для того, чтобы адаптироваться к новым условиям жизни.

Свою речь Р. Душкин начинает ярким заявлением о наступающей революции, которая подорвет (нанесет вред, ущерб [2]) имеющиеся социальные отношения. Грядущий технологический переворот представляет угрозу для общества. Однако вместо того, чтобы остановить эту революцию, человеку предлагается приспособиться к новому миру. Говорящий использует показатель деонтической необходимости — люди должны («Агэнс обязан совершить некоторое действие, если есть человек или институция, авторитет которых он признает» [25]). Обратим также внимание на то, что людей автор называет биологическими системами, которые должны переделать себя. В тексте явно прослеживается всё та же трансгуманистическая риторика.

(38) Виктор Мараховский: *Либо у нас мессианство — мы приходим и приносим новый ИИ, который нам позволит..., и дальше берем на себя ответственность за все, что случится. Либо у нас мессианства нет, но мы знаем, как исправить вот эту проблему и эту. Мы обещаем, что не породим новую, но с этой задачей мы справляемся. Это просто резко снижает накал мессианства, революционности и прочих заносчивых амбиций уважаемого прогрессорства.*

Возражая собеседнику, В. Мараховский называет прогнозы адептов ИИ мессианством (подразумевая под мессией ИИ) и прогрессорством (термин принадлежит А. и Б. Стругацким и означает содействие быстрейшему развитию внеземных гуманоидных цивилизаций [22]). Используя лексический повтор (мы), назначая людей субъектами действий (мы приходим, приносим, берем на себя ответственность, обещаем, справляемся с задачей), а ИИ — объектом (Мы приносим новый ИИ), говорящий подчеркивает, что именно люди несут ответственность за то, к чему могут привести достижения прогресса.

(39) Роман Душкин: *У нас работает Технический комитет №164 при Росстандарте, который занимается вопросами стандартизации и обеспечения доверия к тому, как системы ИИ себя ведут, какие результаты выдают. <...> Те стандарты, которые сейчас принимаются Росстандартом, как раз направлены на то, чтобы в нашем обществе таким проблем, как, например, кто-то отравил данные и в нужный момент показал беспи-*

лотному автомобилю QR-код, и **он совершил какое-то противоправное деяние**, чтобы такого не было, люди работают.

У ChatGPT нет сенсорных систем для этого [сбора информации из окружающего мира]. У нее только **одна сенсорная система — это чат**, через который с ней общаются. У нее нет подключения к внешнему миру: она не может **пойти в Википедию**, посмотреть ответ на какой-нибудь вопрос. <...> **Плагины станут для чат сенсорами во внешний мир.**

Она [ChatGPT] **выдумывает** ответ. Она [ChatGPT] **может говорить**, то есть **воспринимать и сообщать** текст. Она [ChatGPT] может **«видеть»** картинки, т.е. их **описывать** и генерировать.

Искусственные нейронные сети как раз и делают то, что **проявляют интуицию.**

В примере (39) собраны высказывания Р. Душкина об ИИ и его системах. Обратим внимание на то, какие признаки приписывает автор ИИ. ИИ может **совершить противоправное деяние**, т.е. осмысляется говорящим как субъект права. ChatGPT обладает сенсорными способностями (**может воспринимать, видеть**) и воспринимает окружающий мир через особые каналы — чаты, плагины, Википедию. У ChatGPT есть речевые умения: она может **говорить, сообщать текст, описывать** картинки. ИИ **выдумывает** ответ, **проявляет интуицию**, то есть выполняет ментальные действия. Наконец, системы ИИ могут **себя вести** каким-либо образом. Под поведением в Психологическом словаре понимается «целенаправленная система последовательно выполняемых действий, осуществляющий практически контакт организма с окружающими условиями», а источником поведения являются потребности организма [26, с. 348]. Из этого следует, что автор говорит об ИИ как о живом существе, способном к целенаправленным действиям и имеющем потребности.

(40) Виктор Мараховский: *Одной из основных проблем цивилизации, особенно в последние пару столетий, стало появление класса людей, которые, в сущности, работают роботами, причем плохими и глюкавыми, **выполняя не всегда хорошо алгоритмическую деятельность, таким образом отнимая у роботов совершенно заслуженную ими работу.** Это все нужно давно отдать роботам.*

Мараховский же в примере (40) утверждает, что работы всего-навсего выполняют **алгоритмическую деятельность**, которую отдельные люди у них «отнимают». Эта работа достаточно проста, она не требует ни высокой квалификации, ни творческих способностей.

(41) Роман Душкин: *Человек занимает **должность***

винтика в большой системе. Один **человек** в мире технологического развития, которого мы достигли, своим собственным интеллектом **сделать ничего не может**. И нам приходится создавать организационный интеллект, подтип ролевого интеллекта.

Говоря о человеке, Душкин включается в описанную выше «игру на понижение». В новом мире человек лишь **винтик** (здесь видятся отголоски механистической картины мира). Он **не сможет** (показатель онтологической невозможности [25]) **ничего сделать своим собственным интеллектом**, поэтому должен создавать искусственный. Автор повторно высказывает мысль о несовершенстве человеческого интеллекта, человеческой природы.

Итак, анализ прямой дискуссии противника и сторонника новой технологической революции помог выявить разницу в их представлениях об ИИ и человеке. Позиции коммуникантов выявляются через отбор и сочетание речевых средств. Р. Душкин с помощью показателей субъективной модальности и особого подбора предикативных признаков одушевляет искусственные системы, демонстрирует упрощенное понимание человеческой природы. В. Мараховский, говоря об ИИ как об объекте действий людей, возлагает ответственность за возможные последствия НТР на человека, а не на ИИ.

Выводы

Можно заключить, что участники общественного диалога по проблемам искусственного интеллекта посредством комбинации различных языковых средств выстраивают разные модели мира. Неопределенно-личные конструкции позволяют А. Швабауэр противопоставлять разные субъектные сферы, выстраивать оппозицию «свой» и «чужие» с целью создать угрожающий образ цифровизации, передать ощущение враждебного мира будущего без человека. О. Ускова, часто нарушая субъектно-предикатную обусловленность (т.е. используя при неодушевленных именах предикаты ментального действия, восприятия), выстраивая особые субъектно-объектные отношения (в зависимости от коммуникативной цели ставя на позицию субъекта то человека, то ИИ), осуществляет трансляцию трансгуманистических идей. Она представляет человека слабым, уязвимым и поэтому нуждающимся в «дополнении» и «расширении», а ИИ, напротив, — могущественным и всевластным, призванным избавить человечество от бед и проблем.

Если перед противниками и адептами ИИ стоит цель сформировать определенные представления о нем, то разработчики такую цель не преследуют, поскольку создают сам механизм, а не его образ. Поэтому И.С. Ашманов подчиняет имеющийся в его распоряжении языковой инструментарий единой интенции — отделить дискурс реального положения дел от дискурса предположений

и домыслов [5, с. 747]. Говоря об ИИ как о помощнике человека, Ашманов ставит ИИ на позицию инструмента в руках людей, отрицает возможность использования глаголов целенаправленного действия в соседстве с ИИ. Оставаясь в рамках научной картины мира, Ашманов с помощью техницизмов описывает ИИ как функциональное устройство.

На примере прямого диалога между противником «прогрессорства» В. Мараховским и апологетом искус-

ственного разума Р. Душкиным нам удалось определить принципиальную разницу между их представлениями об ИИ, о месте человека в мире. Если в риторике Р. Душкина явно прослеживаются идеи трансгуманизма и механицизма, которые он выражает посредством показателей субъективной модальности, приписывания ИИ свойств живого организма, то В. Мараховский говорит об ИИ как о неперсонифицированной системе, работающей на основе алгоритмов и находящейся в подчинении у человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Активный словарь русского языка. Т. 3. Д — З. / Редакторы тома: В.Ю. Апресян, И.В. Галактионова, Б.Л. Иомдин; Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., СПб.: Нестор-История, 2017.
2. Большой академический словарь русского языка. Т. 7, 18. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; ред. Л. И. Балахонова. М., СПб.: Наука, 2004–2019.
3. В гостях у коллекционера: Ольга Ускова о том, зачем программистам абстрактное искусство. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/406819-v-gostyah-u-kollekcionera-olga-uskova-o-tom-zachem-programmistam-abstraktnoe> (дата обращения: 22.02.2023).
4. Виноградов В.В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития пророка Аввакума // Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 3–41.
5. Волков В.В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. №4. С. 745–759.
6. Выступление Анны Швабауэр о цифровизации образования в аналитическом центре при Правительстве РФ. URL: <https://ouzs.ru/news/vystuplenie-anny-shvabauer-o-tsifrovizatsii-obrazovaniya-v-analiticheskom-tsentre-pri-pravitelstve-r/> (дата обращения: 19.02.2023).
7. Герман Греф и Ольга Ускова о будущем искусственного интеллекта. URL: https://cognitivepilot.com/blog_uskova/german-gref-i-olga-uskova-o-budushhem-v-iskusstvennogo-intellekta/ (дата обращения: 22.02.2023).
8. Горохов В.Г. Новая жизнь «Искусственного интеллекта» в проблеме технического усовершенствования человека // Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы. Под ред. Д.И. Дубровского и В.А. Лекторского. М., 2011. С. 17–47.
9. Игорь Ашманов: «Начинается какая-то чудовищная антиутопия в реальности». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/485833> (дата обращения: 11.03.2023).
10. Игорь Ашманов о будущем домашних роботов. Домашние роботы: накануне торнадо. URL: <https://old.sk.ru/news/b/press/archive/2015/03/30/igor-ashmanov-o-buduschem-domashnih-robotov-domashnie-roboty-nakanune-tornado.aspx> (дата обращения: 11.03.2023).
11. Игра в имитацию: как понять искусственный интеллект? URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20230328/1861364329.html> (дата обращения: 02.04.2023).
12. «Искусственный интеллект не бывает пьяным» — «мать терминаторов» Ольга Ускова. URL: <https://moskvichmag.ru/gorod/iskusstvennyj-intellekt-ne-byvaet-pyanym-mat-terminatorov-olga-uskova/> (дата обращения: 22.02.2023).
13. Искусственный интеллект среди нас. Cognitive Pilot в тройке лидеров, Ольга Ускова. URL: https://www.youtube.com/watch?v=9IPaDJnluDw&ab_channel=CognitivePilot (дата обращения: 22.02.2023).
14. Зиновьев А.А. Глобальный человек. М.: ЭКСМО, 2006. 443 С.
15. Золотова Г.А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1 (1). С. 107–113.
16. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: URSS, 2006. 366 С.
17. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 С.
18. Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. 524 С.
19. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2003. 284 С.
20. Клементьева А.А. Лингвистические особенности междисциплинарного диалога по вопросам искусственного интеллекта // Филология и человек. 2022. № 4. С. 59–72.
21. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. М., 2021. URL: <https://a-ai.ru/code-of-ethics/> (дата обращения: 15.02.2023).
22. Мартынов Д.Е. Русское поле утопий: обзор начала XXI века // Международный журнал исследований культуры. 2012. №4 (9). С. 85–93.
23. Мурашки. Ольга Ускова. URL: https://www.youtube.com/watch?v=MB9QnaBSZJ4&t=175s&ab_channel=TEDxTalks (дата обращения: 22.02.2023).
24. «Нужен аудит систем ИИ»: IT-специалист — о проблемах и выгодах внедрения технологий искусственного интеллекта. URL: <https://russian.rt.com/science/article/944185-ashmanov-iskusstvenny-intellekt-intervyu> (дата обращения: 11.03.2023).
25. Падучева Е.В. Модальность (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.
26. Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. М.: АСТ, 2004. 479 С.
27. Роуз С. Устройство памяти. От молекул к сознанию. М.: Мир, 1995. 379 С.
28. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой: В 2-х томах. Т.1. М.: Наука, 1980. 784 С.

29. Сидорова М.Ю. Субъектная структура текстов о «новой реальности» // Филология и человек. 2022. №2. С.19-37.
30. Хоружий С.С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // Философские науки. 2008. №2. С. 10-31.
31. Цифровая война. На кону будущее России / Анна Швабауэр. URL: <https://ouzs.ru/news/tsifrovaya-voyna-na-konu-budushchee-rossii-anna-shvabauer/> (дата обращения: 19.02.2023).
32. Kellermann K. Communication: Inherently strategic and primarily automatic // Communication Monographs. 1992. V. 59. P. 288-300. URL: <https://kkcomcon.com/doc/KCommStrAuto.pdf> (дата обращения: 28.03.2023).

© Клементьева Алёна Александровна (aklementyeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова